

ПРОБЛЕМА ГАРМОНИЗАЦИИ ДИСКУРСОВ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКИ¹

Д. Ю. Игнатьев, Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, e-mail: denisignatyev@yandex.ru

Статья посвящена исследованиям форм коммуникации дискурсов современного гуманитарного знания. Отношения между различными дискурсами современной гуманитаристики раскрываются через модели «культурной войны», «дипломатии» и «избегания». В ряде случаев коммуникативные стратегии научного сообщества сравниваются с сознательным использованием «культурной анестезии».

Ключевые слова: коммуникация, диалог, культурная анестезия, герменевтика, гармонизация дискурсов, перевод.

HARMONISATION OF DISCOURSES IN THE MODERN HUMANITIES

D. Yu. Ignatiev, Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint Petersburg, e-mail: denisignatyev@yandex.ru

The article is devoted to the forms of communication among discourses in the modern humanities knowledge. Their relations are revealed through the models of “culture war”, “diplomacy” and “avoidance”. In a number of cases the communicational strategies of academic society are compared to the intentional application of “cultural anesthesia”.

Key words: communication, dialogue, cultural anesthesia, hermeneutics, harmonisation of discourses, translation.

В современном мире проблема коммуникации занимает одно из важнейших мест в системе гуманитарного знания. Можно предположить, что подобный интерес обусловлен не состоянием благополучия в сфере общения, а, напротив, острой проблемой взаимного понимания в социуме. Кризис понимания, выражающийся во фрагментарности мышления и «мозаичности» сознания, приводит к атомизации личности внутри социума, что находит свое отражение в гуманитарной культуре, переживающей состояние «апокалипсиса смысла». В подобном состоянии перевод обретает значение культурной универсалии, столь необходимой в мире, где «каждый говорит на своем языке».

Процессы глобализации поликультурного мира, определяющие проблему личной и

коллективной идентичности, требуют философского осмысления возможностей и границ переводимости языков культуры. Невозможность перевода или сознательный отказ от него оборачиваются в современном мире как культурной, так и цивилизационной катастрофой. Культуры в целом, религии и политические системы могут рассматриваться как языки, взывающие к переводу, но ограниченные в возможности переводимости. В этом отношении искусство перевода родственно искусству дипломатии как «искусству возможного». Реализация или не реализация возможности перевода в культуре обуславливают либо формирование «эстетики дипломатии», либо «эстетики войны» как базовых ценностей культуры.

Проблема коммуникации в условиях кризиса идентичности, вызванного распадом ие-

¹ Подготовлено в рамках проекта РГНФ 12-03-00411.

рархической целостности аксиосферы, усугубляется сложностью философской рефлексии происходящих культурных процессов. Рас-терянность современного общества перед реальностью социокультурной катастрофы, обусловленной провалом установления традиционных диалогических отношений между различными партиями, религиями и нациями в различных регионах мирах, свидетельствует не только о неэффективности предлагаемых моделей коммуникации, но и об отсутствии адекватного отражения данной проблемы в сфере гуманитарного знания.

Современное «гуманитарное знание» есть весьма проблемное определение, поскольку подобная формулировка содержит в себе явное противоречие. Понятие «знание» неизбежно влечет за собой необходимость обращения к понятию «смысл», которое является главным предметом споров о природе гуманитарного знания. Современное состояние культуры и ее философской рефлексии может быть охарактеризовано как утрата веры в объективность существования смысла/содержания культурного текста, взятого в его наиболее широком понимании.

Уникальность современного положения гуманитаристики заключается в том, что, в отличие от естественных наук и гуманитарных штудий предшествующих эпох, современные «науки о человеке» лишены какой бы то ни было объективной или конвенционально принятой основы, делающей возможным появление самого феномена «знание». Гуманитарное знание на протяжении истории своего существования обладало достаточно прочной основой, позволяющей ему оформиться в особую сферу духовной культуры человечества со своим языком, системой правил, набором концептов. Такими основами были концепт Бога в средневековой гуманитарной парадигме, концепт *ratio* и логоцентризма в Новое время. Этот ограниченный набор концептов делал возможным существование гуманитарного знания подобно тому, как ограниченный набор аксиом делает возможным существование естественных наук. При этом вторичное значение имеет то, какой природой обладает эта единая концептуальная основа: стоит ли

за ней действительная реальность (реализм) или она является результатом конвенции – условного всеобщего принятия этих положений (номинализм). Лишаясь своей концептуальной основы, гуманитарное знание перестает быть действительно знанием и превращается в особую форму эстетствования: «Вместо герменевтики нам нужна эротика искусства» [1, с. 18].

Именно в таком состоянии и находится сейчас та область духовной культуры, которую принято называть гуманитарной наукой. Прежде чем прийти к этому «апокалипсису смысла», гуманитаристика проделала путь от идеи «смерти Бога» к идее «смерти автора»; от смерти Логоса – к смерти слова, точнее: от утраты веры в «логосность» мира – к утрате веры в содержательность слов. Этот путь означает не столько изменения в самом процессе творчества, сколько его рефлексии – ослепление гуманитарной науки. Подобная трансформация означает утрату конвенциональной основы, делающей возможной диалог внутри гуманитарного пространства. На этом фоне пристальный интерес к теории диалога и манифестация усиления междисциплинарных связей свидетельствуют скорее о бедственном положении гуманитарной науки, нежели о перспективах ее развития. Современное гуманитарное знание представляет собой, в лучшем случае, разрозненное собрание, весьма случайное соединение разрозненных элементов, герметичных сфер, где действуют произвольно установленные законы, чья сила ограничивается пределами каждой из них. Это снимает вопрос о существовании истины, поскольку всякое утверждение может иметь смысл лишь для каждой отдельной сферы гуманитаристики и лишь в ее рамках, никак не соотносясь с единой основой, обладающей смыслом для всей совокупности гуманитарного знания. Подобный принцип противоречивости внутри гуманитарной сферы радикальным образом отличается от принципа комплементарности, благодаря которому достигается кумулятивный эффект умножения знания внутри естественнонаучной сферы: всякое открытие в любой из областей естественных наук способствует раз-

виту смежных дисциплин «наук о мире», в то время как приращение знания внутри какой-либо гуманитарной дисциплины не обладает непреложной ценностью для прочих дисциплин гуманитарного цикла, поскольку сами эти дисциплины являются совершенно различными универсумами, в которых действуют совершенно разные законы. Именно поэтому применительно к гуманитарной науке невозможно говорить о существовании целостного гуманитарного знания, а лишь о ряде произвольных замкнутых конвенций, диалог между которыми представляет собой серьезную проблему в силу утраты объективной основы. Крайняя форма номинализма внутри ряда замкнутых гуманитарных сообществ приводит к тому, что диалог, референтами которого являются гуманитарные объекты, между отдельными индивидами и между целыми дисциплинами и направлениями гуманитаристики становится невозможным. В большинстве случаев попытки преодоления этого состояния сводятся к углублению специализации внутри гуманитарной сферы посредством произвольного установления системы аксиом и методов как «правил игры» внутри каждой дисциплины, образом чего становится расширяющаяся вселенная, в которой с течением времени галактики все далее отстоят друг от друга.

Разрушение единой концептуальной основы в области гуманитарного знания означает невозможность применения к нему операций верификации/фальсификации, т. е. утверждения истинности или ложности какого-либо из утверждений, что в конкретной академической практике означает отказ от принципа опровержимости, поскольку в сложившейся ситуации каждый ученый-гуманитарий оказывается изучающим свой собственный универсум и излагающим полученные результаты на своем собственном языке. Максимум установления конвенциональной основы достигается лишь в кругу определенной школы или направления, что ограничивает полноценный академический диалог рамками этого направления.

Наиболее полно эти тенденции обнаруживают себя в сфере философии, где мысль

замыкается в изолированных форматах дискурсов, при этом содержание философской мысли конституируется структурой формата, т. е. природой языка описания. Таким образом, истинность содержания философской идеи определяется не соответствием ее универсальной реальности или природе универсального языка, а соответствием формату дискурса (в первую очередь языковым нормам, стратегиям интерпретации текста), породившего саму эту идею.

Такие форматы не отрицают друг друга, но и не коммуницируют, поскольку перевод между ними предельно затруднен отсутствием концепта «универсального словаря», находящегося в метапозиции по отношению к множественности актуальных языков.

Коммуникация между дискурсами культуры в самом общем виде может быть описана тремя типами отношений:

- войны, т. е. стремлением утверждать абсолютную истину, принадлежащую самому этому дискурсу, и мыслить иной дискурс как неистинный (неправильный и несправедливый) – отношения подчинения;
- дипломатического взаимодействия, т. е. стремлением к совместному движению к гармоническому взаимодействию, к истине и совершенству, которые превосходят в силу своей неопределимости формат любого дискурса – отношения гармонизации;
- обоюдного безразличия (культурного аутизма), оборачивающегося энтропией культуры, диффузией культурных границ и упразднением различий – отношения избегания.

Современная философская мысль утратила «жажду универсальности», вызывавшую к жизни грандиозные катафатические системы средневековой схоластики и немецкой классической философии. Явление этих идей в системе культуры предполагало опыт их трансляции и интерпретации, что обуславливало либо единство лингвистического пространства (например, латинский язык), либо возможность перевода на иные языки, с возможной рецепцией универсальных терминов. Интенция универсальности предполагала участие той или иной философской идеи в процессе интел-

лектуальной коммуникации либо в модальности войны, при которой декларируется истинность собственного суждения и ошибочность суждения оппонента, либо в модальности дипломатии, позволяющей говорить о возможности обоюдных заблуждений и обоюдной истинности, выражающейся в каждой мысли лишь отчасти, но существующей в качестве недостижимого идеала. И война, и дипломатия обнаруживаются в культуре в качестве базовых моделей коммуникации. При подобном подходе становится очевидным, что война является не антиподом диалога, а экстремальной формой диалогического взаимодействия, при которой происходит радикализация позиций коммуникантов [2, с. 147]. Интенсивность диалога и аксиологическая значимость референта – предмета спора – находятся в прямо пропорциональных отношениях. Примером реализации модели такого диалогического взаимодействия в пространстве академических коммуникаций могут служить диспуты в средневековых университетах, нередко доходившие до применения физического насилия. В результате такой коммуникации аксиологическая значимость суждений и роли оппонентов лишь увеличивается. Противоположностью этой модели является модальность дипломатической коммуникации, предполагающая возможность лицемерного соглашения и избегания открытой конфронтации. Снижение градуса напряженности коммуникации достигается посредством утверждения в мысли о невозможности абсолютного понимания всеми участниками друг друга и о неизбежных утратах при переводе, т. е. о невозможности совершенного выражения единого содержания на различных языках. Несовершенство любых моделей коммуникации оказывается не приговором, но стимулом для перманентного поиска гармонической диалоговой основы. Онтологическая ограниченность выражения идеи по отношению к ее истинному содержанию полагает пределы коммуникативному произволу коммуникантов, заставляя их соблюдать определенные диалогические конвенции. В рамках такой модели даже ложь оказывается утверждением самой возможности существования истины в системе абсолютных ценностей, по-

скольку категория лжи возможна лишь при соотношении с категорией истины. Примером подобной модели коммуникации может быть экуменическое движение (в его классическом виде) и «теория ветвей» протестантской церкви. Исходное предположение несовместимости истины в любые дискурсивные форматы заставляет ориентироваться на принцип диалогического взаимодействия, расширяющий тезаурус церковного сознания.

В европейской истории идей можно проследить эволюцию отношений между различными формами культуры и форматами дискурсов, постепенно реализующих три рассматриваемые модели коммуникации. В качестве примера можно обратиться к формам коммуникации между теологией и наукой как фундаментальными основаниями европейского сознания. Отношения «культурной войны», когда догматическое сознание церкви выступало против «еретических» суждений формирующегося научного сознания, мыслившегося как ложное и подлежащее исправлению, сменились отношениями «культурной дипломатии», основанными на осознании ограниченной причастности к истине двумя коммуникантами, пытающимися найти общие основания, минимизировать различия и даже подвергнуть критике собственные суждения. В результате подобных попыток изменяется самосознание двух сфер культуры, появляются такие синтетические феномены, как «Christian science», происходит трансформация догматической системы, в результате которой теория Дарвина оказывается в фокусе церковного осмысления. Третья модель коммуникации демонстрирует ситуацию игнорирования, в которой никакой диалог оказывается невозможным в силу отсутствия принципиальных оснований и процедур перевода. В рамках данной модели теология и наука и не отрицают друг друга, но и не вступают в диалоговые отношения. Это обоюдное молчание выражает не торжество победы над противником и не тишину взаимного понимания, реализованного на некотором невербальном уровне, а тотальное отсутствие интереса к самой позиции оппонента. Образ универсума идей, универсума культу-

ры сменяется образом мультиверса, в котором симультанное существование множественных миров не является со-существованием и со-мыслием, что означает действительную утрату смысла, неизбежно предполагающего бытие в пространстве диалога. Мультиверсальность философских дискурсов не предполагает реализацию диалогической модели войны или дипломатии в силу утраты интенции к поиску/утверждению истины и «воли к переводу», что ограничивает место философии в системе культуры функцией «метафармакологии» [3, с. 48]. Стремление к вынесению вопроса о поиске истины за рамки дискурсивных практик философии вызвано главной интенцией современной культуры к преодолению боли. Анестезийная культура порождает такие феномены, например, как постмодернистские интеллектуальные игры в философском пространстве и адогматическое мышление в области теологии (*weak theology*). Искусственно конструируемая ситуация, в которой философ утрачивает дар различения смыслов, может быть объяснена «волей к непониманию» как формой эскапизма, обеспечивающего безболезненное существование в условиях тотальной непереводаемости. Всякий опыт различения предполагает возникновение границы и возможность/необходимость ее преодоления, что в самом общем виде и может быть названо переводом. Бытие культуры как процесс трансформации границ при подобном рассмотрении оказывается неизбежно сопряженным с опытом боли. Попытка конституирования собственного языка – формата философского дискурса, не предполагающего возможности перевода, упраздняет необходимость быть понятным, быть соотношенным с Другим, с его правотой или ошибочностью, что избавляет от страха опровержения и осмеяния.

Необходимость осуществления коммуникации вынуждает научное сообщество конституировать единое пространство интеллектуальной коммуникации, обеспечивая существование точек соприкосновения разрозненных сфер различных дискурсов. Современная наука как социальная сеть формирует систему академической коммуникации, являющейся пространством встречи представителей гуманитаристики, но не самого содержания гуманитарного знания. Транслируя традиции, ценности, модели поведения академического мира, система интеллектуальных коммуникаций не способна преодолеть содержательную изолированность гуманитарных дискурсов. Единое пространство современной гуманитаристики, мыслящееся как сфера со-бытия многообразия дискурсивных форм и со-мыслия ученых-гуманитариев, является единством институциональным, свидетельствующим о возникновении цивилизационной интенции к регламентации и унификации, вызванной разрушением принципа «единства в многообразии» как фундаментального основания культуры.

Традиционный европейский «дискурс различий» сменяется «дискурсом безразличия», при котором культурная война и культурная дипломатия уступают место культурному аутизму, не предполагающему возможность диалогических отношений. В основе этого явления лежит стремление к избеганию боли, анестезии, ставшей символом эпохи. Боль и радость диалога, неизбежно предполагающего сотворчество субъектов-участников и их обоюдную духовную трансформацию, заменяется «оглушением культуры» и «умолканием языков» как результатом стремления ограды от «Другого» как от причины беспокойства и страдания. Идеалы индивидуальности, свободы формирования идентичности, множественности интерпретации (свободы перевода), определившие основания современной культуры, в настоящее время обернулись невозможностью индивидуальности, кризисом идентичности и острой проблемой понимания. Философское осмысление перевода как основы процессов коммуникации и как базового принципа гуманитарной методологии является необходимым условием для решения проблемы установления отношений диалога как фундаментальной проблемы современности.

Список литературы

1. *Зонгаг С.* Против интерпретации // Мысль как страсть. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. 208 с. С. 9–18.
2. *Клаузевиц К.* О войне. М.: Логос, 1998. 448 с.
3. *Секацкий А. К.* Прикладная метафизика. СПб.: Амфора, 2005. 414 с.

References

1. *Zontag S.* Protiv interpretatsii // Mysl' kak strast'. M.: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1997. 208 s. S. 9–18.
2. *Klauzevits K.* O voynе. M.: Logos, 1998. 448 s.
3. *Sekatskiy A. K.* Prikladnaya metafizika. SPb.: Amfora, 2005. 414 s.